

ГЛАВА 1 СУМЧАТАЯ ГАДЮКА

«**Н**е связывайся с Орионом Лейком». Люди верующие — а именно они по большей части населяют одну чудную языческую коммуну в Уэльсе, не считая, конечно, перепуганных юных магов, которых по достижении определенного возраста запихивают в смертельно опасную школу — так вот, люди верующие регулярно взывают к помощи какого-нибудь благожелательного, заботливого и мудрого божества, надеясь получить совет посредством чудесных знамений и предвестий. Будучи дочерью Гвен Хиггинс, я могу с абсолютной уверенностью сказать, что, если они его получают, он им не понравится. Загадочные советы от того, кто принимает его интересы близко к сердцу и чье суждение непременно окажется справедливым и здравым, человеку не нужны. Он хочет, чтобы божество либо велело сделать то, что

он и сам хотел (а значит, можно было обойтись без совета), либо приказало поступить ровно наоборот (и в таком случае он неохотно подчинится, как ребенок, которому велели чистить зубы и ложиться спать, ну или проигнорирует божественную весть и угрюмо двинется своим путем, зная, что впереди только боль и отчаяние).

Если вы гадаете, какой вариант предпочла я, значит, вы меня совсем не знаете. Боль и отчаяние — моя судьба. Этим путем я иду не задумываясь. Мама, несомненно, хотела лучшего, однако ее коротенькая записка гласила: «Милая моя девочка, люблю тебя, не теряй смелости и не связывайся с Орионом Лейком». Я прочла мамино послание одним взглядом, стоя в толпе новичков, немедленно порвала его на кусочки, сама съела клочок с именем Ориона, а остальные раздала.

— Что это? — спросила Аадхья, которая по-прежнему смотрела на меня с негодованием.

— Средство для поднятия духа, — сказала я. — Мама вложила чары в бумагу.

— Да. Твоя мама, Гвен Хиггинс, — произнесла Аадхья еще холоднее. — О которой ты так часто нам рассказывала.

— Бери и ешь, — буркнула я раздраженно.

Пробудить во мне раздражение было несложно. Ни по чему другому — включая солнце, ветер и спокойный ночной сон — я не тосковала в школе так сильно, как по маме. Ее чары вселили

в меня ощущение, что вокруг пахнет травами и весенней землей, и прямо за дверью хрипло квакают лягушки, и я лежу, свернувшись клубочком, на маминой постели, а она ласково гладит меня по голове. Я бы заметно приободрилась, если бы в то же самое время не тревожилась из-за слов про Ориона.

Приятных перспектив была масса. Оптимальный вариант: Орион обречен умереть молодым, ужасной смертью, что, в общем, никого не удивило бы, учитывая его тягу к подвигам. Правда, мама не стала бы предостерегать меня от романа с обреченным на гибель героем. Она искренне считает, что надо срывать цветы удовольствия, пока можно.

Мама хотела уберечь меня от зла, а не от печали. А следовательно, Орион был великим maleficером, который скрывал свою злобную сущность, раз за разом спасая людей, чтобы потом... не знаю... убить их? Или мама боялась, что он меня окончательно выбесит, я прикончу его и сама стану великим maleficером? Это было гораздо вероятнее, учитывая пророчество.

Впрочем, скорее всего, мама ничего не знала наверняка. Просто ей не давало покоя скверное предчувствие насчет Ориона. Она не сумела бы объяснить причину, даже если бы исписала десять листов с обеих сторон. Но предчувствие было такое паршивое, что она автостопом добралась до Кардиффа, отыскала пацана, поступающего

в школу, и попросила его родителей переслать мне записку весом ровно в один грамм.

Я подергала Аарона за костлявое плечо.

— Эй! Что моя мама дала твоим предкам за то, чтоб они передали записку?

Он повернулся ко мне и неуверенно произнес:

— Кажется, ничего... Она сказала, что ей нечем заплатить, и попросилась поговорить с ними с глазу на глаз. Потом она дала мне записку, и моя мама выдавила из тюбика немножко пасты, чтобы места хватило.

Вы, наверно, думаете, что это пустяки, но никто из поступающих в Шоломанчу не тратит крошечный объем дозволенного багажа на такие глупости, как обыкновенная зубная паста. Лично я чищу зубы пищевой содой из алхимической лаборатории. Если Аарон принес с собой зубную пасту, значит, она была зачарована. Очень полезная штука, если следующие четыре года визит к зубному врачу тебе не светит. Он с легкостью мог бы выменять порцию зубной пасты на целую неделю дополнительных обедов у какого-нибудь однокашника с больным зубом. И его родители лишили сына пасты, чтобы моя мать могла передать мне предупреждение!

— Круто, — с горечью сказала я. — На, съешь.

Я протянула ему клочок записки. Полагаю, Аарон, оказавшись в Шоломанче, как никогда нуждался в поднятии духа. Все лучше, чем почти

неизбежная смерть, грозящая подросткам-волшебникам за пределами школы. Но ненамного лучше.

Тут в столовой открылась раздача, все бросились за едой, и ход моих мыслей прервался, но, когда мы встали в очередь, Лю тихонько спросила:

— Как ты?

Я туло уставилась на нее. Лю вообще не умела читать мысли — она просто замечала мелкие детали и складывала их воедино. К тому же она указывала на карман, куда я сунула последний обрывок записки — записки, содержанием которой я ни с кем не поделилась, даже когда раздала зачарованные обрывки, которые должны были развеять все мрачные мысли. Я смутилась просто потому... что Лю об этом спросила. Я не привыкла к расспросам — да и к тому, чтобы кто-то замечал мою грусть. Пожалуй, кроме тех случаев, когда от тоски и отчаяния я вот-вот начну дышать огнем... а это, скажем честно, случается нередко.

Я ненадолго задумалась и поняла, что не хочу говорить про записку. Вариантов, в общем, не было. И я не то чтобы солгала Лю, когда кивнула ей, давая понять, что все в порядке, и улыбнулась — непривычное было действие, какое-то незнакомое. Лю улыбнулась в ответ, и мы двинулись дальше, сосредоточившись на еде.

В суете мы потеряли наших новичков — они, разумеется, стояли в хвосте очереди, а нам теперь принадлежала сомнительная честь быть первыми.

Но ничто не помешало бы нам взять для младших лишку, если получится — по крайней мере, сегодня мы могли это сделать. Стены были еще теплыми после очищения. Уцелевшие злыдни только-только начинали выползать из темных уголков и укромных щелей. Скорее всего, в столовой было безопасно. Поэтому Лю прихватила для своих кузенов несколько пакетиков молока, а я, хотя и без особой охоты, — порцию пасты для Аарона. Теоретически я ничего не была ему должна за то, что он принес записку; согласно неписаному правилу Шоломанчи, все уплачивалось снаружи. Но лично он, в конце-то концов, ничего не получил за услугу.

Было странно стоять почти в голове очереди, в полупустой столовой, в то время как сзади вдоль стен змеился огромный хвост школьников. Младших было втрое больше, чем нас. Ребята из среднего класса показывали новичкам на потолок, на отдушины и стоки в полу, наказывая в будущем держать ухо востро. На свободное место, оставленное для новичков, со скрипом и стуком тащили складные столы. Моя подруга Нкойо (наверно, можно было считать ее подружкой? Пожалуй, да, однако мне еще не вручили официального уведомления, поэтому я пока пребывала в сомнениях) заняла место впереди, со своей компанией. Она устроилась за лучшим столом, посередине между стеной и очередью, и над ними висели

всего две лампы, а ближайший сток в полу находился четырьмя столами дальше. Нкойо стояла и махала нам. Ее было несложно заметить — она надела новенький топ и просторные брюки. То и другое украшали красивые волнистые линии — несомненно, не простые. В первый день нового учебного года все достают очередной комплект одежды. Мой гардероб, к сожалению, испепелился в младшем классе, а Нкойо, очевидно, удалось приберечь кое-какие вещи на выпускной год.

Джовани принес два больших кувшина с водой. Кора проверила периметр.

Так странно было идти к ним по переполненной столовой. Даже если бы они нас не позвали, вокруг оставалось незанятыми много мест, и хороших и плохих. Мне и раньше иногда выпадала возможность выбрать, но это всегда было рискованно — просто я являлась в столовую первая, как правило от отчаяния, после многодневной голодовки. А теперь все шло самым естественным образом. Вокруг толпились ребята из среднего и старшего; большинство я знала если не по имени, то хоть в лицо. Количество моих одноклассников к выпускному классу сократилось примерно до тысячи — из тысячи шестисот. Это звучит ужасно, но обычно до выпуска доживают человек восемьсот. И меньше половины выбирается из школы.

Но в нашем классе учился тот, кто нарушил заведенный порядок, — и он сидел за столом рядом

со мной. Едва дождавшись, когда мы с Орионом усядемся, Нкойо выпалила:

— Ну? Все получилось? Вы починили механизм?

— Сколько там было злыдней? — спросила Кора и села, закрывая крышечкой маленький глиняный сосуд, из которого капала зелье по периметру вокруг стола.

По меркам Шоломанчи ничего бестактного в этом не было; они имели полное право расспрашивать, потому что заняли стол. За эту услугу нам следовало расплатиться информацией. Остальные выпускники деловито рассаживались за соседние столы, создавая плотное кольцо безопасности в обмен на возможность послушать; те, кто сидел далеко, вытягивали шеи и прикладывали руки к ушам, в то время как их соседи по столу не спускали глаз с потенциально опасных мест.

Вся школа и так уже знала главное — что мы с Орионом каким-то чудом вернулись живыми после утреннего променада. Но большую часть дня я провела, запершись в комнате, а Орион, как правило, вообще избегал людей, если, конечно, к ним не прилагались злыдни. Поэтому все слухи доходили до наших однокашников через множество уст, а это не такой уж надежный источник сведений для того, кто страстно желает остаться в живых.

Мне вовсе не хотелось воскрешать в памяти недавно пережитое, но я знала, что остальные имеют право знать. И только я могла об этом рассказать.

Орион, когда один из нью-йоркских старшеклас-ников подошел к нему с вопросом, ответил: «Да ничего особенного. Я отгонял злыдней, пока ребята не закончили, а потом нас дернули». Орион не притворялся. Именно так он и относился к нашему утреннему приключению. Убить сотню-другую злыдней в выпускном зале — подумаешь, обычный будний день. Мне даже отчасти стало жаль Джермена — с тем же успехом он мог беседовать с кирпичной стеной.

— Злыдней было много, — сухо ответила я Коре. — Битком набито. И все они хотели жрать.

Кора прикусила губу и кивнула. Я повернулась к Нкойо.

— Мастера считали, что у них все получилось. Им понадобился час — и одна смена в процессе. Искренне надеюсь, что они не схалтурили.

Нкойо тоже кивнула. Она слушала, сосредоточенно наморщив лоб. Вопрос был вовсе не праздный. Если мы действительно починили оборудование, те самые механизмы, которые дважды в год проводили очищение на верхних ярусах, выжигая злыдней в коридорах и аудиториях, работали и в выпускном зале; вероятно, они уничтожили немало крупных и опасных чудовищ, которые ожидали ежегодного пира. Не исключено, что большинство выпускников выбрались живыми. А значит — и это главное — у большей части *нашего* класса тоже есть шанс вырваться.

— Думаешь, они вышли живыми — Кларита и все остальные? — спросил Орион, хмуро глядя на подгоревшее месиво из мяса и картошки, в которое он превратил блюдо, называемое в школе запеканкой. В скверные дни в ней попадались и человеческие фрагменты. В любом случае она была еще горячая и дымилась.

— Выясним в конце года, когда придет наша очередь, — сказала я.

Если нам не удалось починить механизм, значит, выпускники влетели в голодную и разъяренную толпу злыдней, и, вероятно, большинство погибло, не успев добраться до двери. А нашему классу предстоит на протяжении трехсот пятидесяти шести дней с удовольствием вести обратный отсчет. Какая приятная мысль. Обращаясь не только к Ориону, но и к себе, я добавила:

— А поскольку раньше времени мы ничего не узнаем, незачем ломать голову. Так что перестань кромсать запеканку. Меня это бесит.

Он вздохнул и вместо ответа драматическим жестом сунул в рот полную ложку. Вкус еды напомнил Ориону, что он хронически недоедает, и он энергично принялся очищать тарелку.

— А если все получилось, на сколько этого хватит? — спросила приятельница Нкойо, девочка из нигерийского анклава, которая села с краю, чтобы послушать.

Еще один хороший вопрос, на который у меня не было ответа — я ведь не мастер. Работа велась за моей спиной, переговоры шли на китайском, которого я не знаю... и большинство слов, которые произносили мастера, по ощущениям, были матерными. Орион не знал и того — он стоял впереди и десятками истреблял злыдней.

За меня ответила Аадхья:

— Когда манчестерский анклав чинил механизм в выпускном зале, этого хватало на два года, иногда на три. Думаю, после нас продержится хотя бы год... ну, может, два.

— Но... но не больше, — негромко произнесла Лю, глядя на кузенов, которые сидели за своим столом вместе с Аароном и Памилой — девочкой, принесшей письмо для Аадхьи. Вокруг теснилась густая толпа других новичков. Как правило, такого общества достаиваются только ребята из анклавов. Я удивилась, а потом поняла, что знакомство с великим героем Орионом заставило и их сиять отраженным светом. До меня дошло, что, возможно, отчасти дело и в знакомстве со мной: для младших я была не угрюмой отщепенкой, а могучей выпускницей, которая побывала внизу.

Честно говоря, уже ни для кого я не была угрюмой отщепенкой. Мы с Аадхьей и Лю заключили союз, причем сделали это одними из первых. Человек, который мог выбрать, пригласил меня за

